

УДК 343.102
DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-319-336
EDN: DAXVVE

Оригинальная научная статья

Вспомогательное осведомительство как институт отечественного оперативно-розыскного права

В. Ф. Луговик

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация

✉ vlug@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке теоретической концепции и нормативной модели вспомогательного осведомительства как правового института, предназначенного для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Автор обосновывает необходимость расширения периметра раннего выявления криминальных рисков не за счет тотальной сети осведомителей, а посредством институционализации проверяемых каналов сообщения со стороны лиц, сталкивающихся с правонарушениями в силу профессии или гражданской позиции. В статье представлен комплексный анализ российского законодательства, регулирующего конфиденциальное содействие в рамках оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальные фильтры для анонимных сообщений. На основе сравнительно-правового исследования выделяются три зарубежные модели информирования: общая обязанность сообщать о тяжких преступлениях, профессионально-секторные обязанности в сферах противодействия терроризму и отмыванию доходов, а также система защищенного добровольного информирования с гарантиями от преследования. Ключевым результатом исследования является авторская двух-контурная нормативная модель. Первый контур предполагает установление строго ограниченной профессиональной обязанности сообщать о конкретных фактах и признаках преступлений для ограниченного круга лиц с четкими исключениями, связанными с профессиональной тайной. Второй контур закрепляет универсальное право граждан на конфиденциальное и анонимное информирование, обеспеченное гарантиями защиты от реталиации, механизмами «безопасной гавани» и созданием защищенных каналов связи. Особое внимание уделяется системному анализу рисков массового доноительства, включая эрозию социального доверия, фабрикации ложных сообщений и перегрузку правоохранительной системы. В статье предлагаются юридические предохранители: замена обязанности сбора сведений о лицах обязанностью сообщения о фактах, обязательная верификация информации, запрет дискриминационных критериев, ответственность должностных лиц за разглашение сведений об информаторе. Выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на создание сбалансированного правового механизма, сочетающего потребности правоохраны с императивами защиты прав человека и сохранения социального доверия.

Ключевые слова: вспомогательное осведомительство; доноительство; оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальное информирование; защита информатора

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Луговик В. Ф. Вспомогательное осведомительство как институт отечественного оперативно-розыскного права // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 319–336. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-319-336>. EDN: <https://elibrary.ru/daxvve>

Original scientific article

Auxiliary Informing as an Institution of Russian Operational-Search Law

V. F. Lugovik

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation

✉ vlug@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of a theoretical concept and normative model of auxiliary informing as a legal institution intended to enhance the effectiveness of operational-search activities. The Author substantiates the need to expand the perimeter of early detection of criminal risks not by creating an all-encompassing network of informants, but by institutionalizing verifiable channels for reporting by persons who encounter offences by virtue of their profession or civic position. The article presents a comprehensive analysis of Russian legislation governing confidential assistance in operational-search activities, as well as criminal-procedure filters applicable to anonymous reports. On the basis of a comparative legal study, the Author identifies three foreign models of reporting: a general obligation to report serious crimes; professional and sector-specific duties in the fields of counter-terrorism and anti-money laundering; and a system of protected voluntary reporting with safeguards against persecution. The key result of the study is the Author's two-tier normative model. The first tier provides for the establishment of a strictly limited professional obligation, imposed on a narrow circle of persons, to report specific facts and indicators of crimes, with clearly defined exceptions relating to professional secrecy. The second tier establishes the universal right of citizens to provide information confidentially and anonymously, supported by safeguards against retaliation, safe-harbour mechanisms, and the creation of secure communication channels. Particular attention is paid to a systemic analysis of the risks of mass denunciation, including the erosion of social trust, the fabrication of false reports, and the overburdening of the law-enforcement system. The article proposes a set of legal safeguards: replacing the obligation to collect information about individuals with an obligation to report facts; mandatory verification of information; a prohibition on discriminatory criteria; and liability of officials for disclosing information about an informant. The article advances specific proposals for improving legislation aimed at creating a balanced legal mechanism that combines the needs of law enforcement with the imperatives of protecting human rights and preserving social trust.

Keywords: auxiliary informing; denunciation; operational-search activities; confidential reporting; informant protection

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Lugovik V. F. Auxiliary Informing as an Institution of Russian Operational-Search Law. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):319-336. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-319-336>. EDN: <https://elibrary.ru/daxvve> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	321
II. Российская практика антикриминального осведомительства	324
III. Зарубежный опыт информирования о нарушениях законов	326
IV. Конструкция вспомогательного осведомительства	328
V. Риски массового доноительства	330
VI. Результаты и предложения	332
VII. Заключение	334
Список литературы	335

I. ВВЕДЕНИЕ

Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) традиционно связывают с деятельностью оперативных подразделений и использованием негласных источников. Однако современная криминальная среда формирует запрос на расширение периметра раннего выявления криминальных рисков не посредством создания всеобъемлющей сети осведомителей, а через институционализацию корректных и проверяемых каналов сообщения со стороны лиц, которые в силу своей профессиональной деятельности либо гражданской позиции сталкиваются с правонарушениями.

Важно отличать конфиденциальное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел (включая контрактные формы) как механизм взаимодействия граждан с правоохранительными органами и внешнее (внеполицейское) информирование, которое может быть либо обязанностью для ограниченных профессиональных категорий, либо правом для каждого гражданина, но в обоих случаях – с четкими гарантиями от злоупотреблений.

Российское законодательство уже признает возможность добровольного привлечения граждан к борьбе с преступностью с сохранением конфиденциальности, устанавливая запреты на контрактное сотрудничество для отдельных категорий (депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей). Рассматриваемая в настоящей статье модель выходит за рамки традиционного понимания конфиденциального участия граждан в ОРД, так как предполагает регламентированную систему профессионального сообщения и общегражданский канал защищенного уведомления.

Цель настоящего исследования – разработка теоретической концепции и нор-

мативной модели вспомогательного осведомительства как правового института, предназначенного для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности за счет регламентированного информирования со стороны лиц, не являющихся ее нормативно определенными участниками. Достижение поставленной цели и решение сформулированных во введении задач обеспечиваются применением комплекса общенаучных и специально-юридических методов познания, выбор которых обусловлен междисциплинарным и сравнительно-правовым характером работы.

Диалектический метод составляет общемировоззренческую основу исследования. Он позволяет рассмотреть институт информирования в его развитии, выявить внутренние противоречия, присущие различным историческим формам (от доносительства до легального осведомительства), и определить закономерности трансформации практик взаимодействия государства и граждан в сфере противодействия преступности. Использование данного метода способствует пониманию современной проблематики как результата предшествующего развития, что необходимо для корректного прогнозирования последствий внедрения предлагаемой модели.

Формально-догматический метод является ключевым инструментом для анализа действующего российского законодательства. С его помощью в работе исследуются нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон об ОРД), Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также уголовно-правовые положения о несообщении о преступлениях (ст. 205.6 УК РФ). Данный метод применяется

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

для выявления понятийных рамок и терминологических несоответствий (разграничения понятий «содействие», «информирование», «сообщение»), анализа правовых конструкций, регулирующих конфиденциальное содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, а также для определения правового режима анонимных обращений и их процессуального значения. Результатом применения формально-догматического метода становится точное описание исходной правовой базы, служащей отправной точкой для дальнейшего моделирования.

Сравнительно-правовой метод играет центральную роль в исследовании зарубежного опыта. Методология сравнительного анализа построена на выделении трех основных моделей информирования, сложившихся в различных правовых системах: 1) модель общей обязанности сообщать о наиболее опасных преступлениях (на примере Германии и Франции); 2) модель профессионально-секторных обязанностей в сферах противодействия терроризму и отмыванию доходов (на примере Великобритании и США); 3) модель защищенного информирования и добровольных анонимных каналов (на примере США, а также наднациональных актов Европейского Союза и Совета Европы). Критериями для сравнения выступают субъектный состав, предмет сообщения, наличие или отсутствие санкций за несоблюдение обязанности, степень защиты информатора и процессуальные последствия передачи сведений. Применение данного метода позволяет выявить универсальные принципы и эффективные правовые решения, пригодные для адаптации в российской правовой системе.

Метод правового моделирования и юридического конструирования применяется для разработки авторской нормативной концепции вспомогательного осведомительства. На основе синтеза ре-

зультатов сравнительного и исторического анализа, а также с учетом ограничений, установленных российским законодательством, конструируется двухконтурная модель, включающая: 1) контур профессиональной обязанности – с определением круга субъектов, закрытого перечня криминально значимых фактов, подлежащих обязательному сообщению, и системы исключений (профессиональной тайны); 2) контур права на конфиденциальное информирование – с описанием гарантий от реталиации, механизмов защиты личности информатора и процессуальных фильтров для анонимных сообщений. Данный метод позволяет перейти от критического анализа существующего положения к формулированию конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Системный метод обеспечивает рассмотрение предлагаемого института не изолированно, а как элемента целостной системы оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства. Это позволяет оценить его функциональные связи с иными элементами правовой системы, спрогнозировать потенциальные эффекты его внедрения и увязать нормативные предложения с общими принципами правового государства, пропорциональности вмешательства и защиты от злоупотреблений.

Таким образом, указанный методологический инструментарий обеспечивает всесторонность исследования, достоверность его результатов и обоснованность предложений по формированию в российском праве нового социально приемлемого и юридически защищенного института информирования в целях повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности.

В контексте совершенствования правового регулирования и нормативного дизайна мер, направленных на противодействие правонарушениям, принципиальное

значение приобретает уточнение понятийных рамок, используемых для описания процессов передачи информации о потенциальных или свершившихся угрозах. Категориальный аппарат, сложившийся в постсоветском дискурсе, характеризуется значительной эмоциональной нагрузкой и не всегда обладает необходимой для законотворчества нейтральностью. В частности, термин «осведомительство» в массовом сознании прочно связан с понятием «доносительство», которое воспринимается в резко негативном ключе в силу ассоциаций с карательными практиками сыска и вмешательством в частную жизнь. В связи с этим при конструировании правовых норм представляется оправданным отказ от эмоционально окрашенных клише в пользу более точных и функционально ориентированных конструкций. К числу таких конструкций относятся:

– «конфиденциальное информирование», под которым понимается право любого лица довести до сведения уполномоченных органов информацию о нарушении закона, сопряженное с гарантиями неразглашения личности источника;

– «обязанность сообщения о криминально значимой информации», которая представляет собой узкую профессиональную (должностную) обязанность, не предполагающую функции слежки, но требующую передачи сведений, ставших известными лицу в ходе исполнения своих трудовых или служебных функций;

– «содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», которое может реализовываться как в разовой форме, так и на контрактной основе при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Принципиальное методологическое положение имеет оценка рисков, связанных с введением юридически неопределенных норм. Возложение на граждан или организации широкой обязанности

собирать информацию о криминально активных лицах представляется не только социально токсичным, но и опасным с точки зрения правоприменения. Отсутствие четких критериев такой деятельности создает предпосылки для ее произвольного толкования, что может вести к подмене функций институтов уголовной юстиции неформальными практиками. В отсутствие строгих процессуальных рамок подобная норма провоцирует такие явления, как необоснованное наблюдение и профилирование по социальным или иным признакам, фабрикация компрометирующих сведений, а также использование информационного ресурса для давления на нежелательные группы. Следствием этого становится эрозия базового уровня доверия внутри локальных сообществ и профессиональных коллективов. В этой связи корректной юридической формулой следует признать обязанность сообщать о фактах и признаках правонарушений, обнаруженных в ходе обычной деятельности, при наличии разумных оснований полагать, что такие факты действительно имели место, а не декларирование обязанности вести сбор информации как самостоятельной квазиполицейской функции.

Обращение к историческому развитию данных практик позволяет проследить эволюцию института информирования от архаичных форм доносительства к современным правовым каналам коммуникации гражданина и государства. На ранних этапах государственного строительства сообщения частных лиц о правонарушениях служили важнейшим компенсаторным механизмом при слабости профессионального аппарата принуждения. Римская практика использования делаторов или средневековые системы, стимулировавшие обвинение через материальную выгоду (например, получение части штрафа с осужденного), будучи воплощением «государственной рациональности» того

времени, неизбежно порождали массу ложных доносов и превращали информирование в инструмент сведения личных счетов или обогащения.

Эпоха модерна и формирование институтов политической полиции в XIX–XX вв. ознаменовались институционализацией агентурной сети как профессионального инструмента контроля [1]. В авторитарных и тоталитарных политических режимах сеть осведомителей утрачивала связь с задачами уголовного сыска и превращалась в массовый социальный институт, обслуживавший нужды политического надзора. Как свидетельствует исторический опыт, это закономерно приводило к высокому уровню ложных сообщений (вследствие стремления информаторов оправдать свое существование или в силу внешнего давления), подмене судебного разбирательства административным или внесудебным преследованием, а также к устойчивому «эффекту охлаждения», подавляющему свободу коммуникации и горизонтальных общественных связей.

Демократическая трансформация второй половины XX – начала XXI в. сформировала качественно иную модель, в рамках которой на первый план вышли две юридизированные линии. Первая линия представлена секторальными обязанностями сообщения, которые государство вводит в тех сферах, где профессиональная среда обладает уникальным доступом к информации о критических рисках (борьба с терроризмом и легализацией преступных доходов, защита прав несовершеннолетних). Например, в Великобритании законодательно установлена обязанность раскрывать информацию о подозрениях в финансировании террористической деятельности, если эти

сведения стали известны лицу в ходе его работы [2, с. 28–29], при этом неисполнение данной обязанности образует состав самостоятельного правонарушения. Вторая линия связана с развитием института защищенного информирования, который предполагает создание легальных каналов для сообщений о нарушениях внутри организаций и деятельности государственных органов, а также предоставление гарантий информаторам от преследования и иных форм реталиации. Показательным примером здесь служат директивы Европейского Союза, установившие минимальные стандарты защиты лиц, сообщающих о нарушениях законов, и закрепившие требования к организации каналов и процедур обработки таких сообщений². Тем самым современная тенденция демонстрирует движение от латентного и часто ангажированного доносительства к прозрачным, подконтрольным и защищающим права человека механизмам правового информирования.

II. РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВА

Предваряя детальное рассмотрение эволюции института информирования в зарубежной практике и учитывая выявленные риски, которые связаны с юридически неопределенными формулировками, необходимо обратиться к анализу современной российской правовой основы участия граждан в передаче информации о правонарушениях. К сожалению, на правовое регулирование этой сферы влияют стереотипы восприятия сотрудничества с полицией как неизбежного зла. Так, С. С. Галахов считает, что доносительство – аморальный поступок, но оно

² См., напр.: *Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the protection of persons who report breaches of Union law* // EUR-Lex. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj/eng> (дата обращения: 15.02.2026).

Перевод на русский язык см.: *Директива* Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937 от 23 октября 2019 г. о защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза. Доступ из СПС «Гарант».

необходимо для противодействия преступлениям, а также для обеспечения общественного порядка [3, с. 175].

Российское законодательство демонстрирует сочетание нескольких различных подходов, которые сосуществуют, не образуя единой стройной системы, но при этом задают важные ограничители и векторы для правоприменения. Базовым элементом данной системы выступает институт содействия граждан оперативно-розыскной деятельности, закрепленный в Законе об ОРД [4]. Законодатель предусматривает, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением конфиденциальности содействия, в том числе на контрактной основе. На таких лиц возлагается обязанность сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и они не вправе предоставлять заведомо ложную информацию. Важно подчеркнуть, что данный механизм, фиксируя саму идею конфиденциального участия граждан в правоохранительной деятельности, выдерживает ее в добровольном ключе и жестко встраивает в оперативно-розыскную контур. Содействие здесь понимается не как всеобщая гражданская повинность, а как факультативный, строго индивидуальный и контролируемый государством инструмент, используемый в рамках профессиональной деятельности органов, уполномоченных ст. 13 Закона об ОРД.

Принципиально иную логику демонстрирует уголовно-процессуальное законодательство, которое содержит важный

предохранительный механизм, ограждающий формальное уголовное преследование от непроверенной информации. В соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК РФ анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Данная норма выступает критически важным процессуальным фильтром, предотвращающим запуск механизма уголовного преследования на основании неподтвержденной информации из непроверенных источников. Это правило предохраняет систему правосудия от использования заведомо ложных или клеветнических анонимных сообщений в качестве официального повода для начала расследования [5, с. 19]. Вместе с тем анонимная информация не исключается из правового поля полностью: она может и должна использоваться в качестве ориентира для планирования оперативно-розыскных мероприятий, проведения аналитической работы и выработки мер профилактики³. Ключевым условием здесь выступает необходимость обеспечения надлежащего правового режима обработки такой информации, не допускающего ее прямого процессуального хода без предварительной проверки.

Наконец, российское право содержит и элементы так называемой ограниченной обязанности сообщения, что сближает отечественную систему с указанными выше зарубежными аналогами. Речь идет о специальном составе преступления, предусмотренном ст. 205.6 УК РФ, который устанавливает ответственность за несообщение в органы власти о лицах, которые по достоверно известным сведениям готовят, совершают или совершили

³ Анонимные заявления и сообщения о преступлении и материалы их проверки направляются в соответствующие подразделения территориального органа МВД России для использования в установленном порядке в оперативно-розыскной деятельности согласно п. 45 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (см.: *Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях* : Приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

преступления террористической направленности. Данная норма вводит узкую секторальную обязанность информирования, ограниченную перечнем преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. При этом важно отметить, что конструкция данной нормы, равно как и практика ее применения, требует особого внимания с точки зрения соблюдения баланса между публичными интересами предотвращения террористических угроз и защитой граждан от необоснованного привлечения к ответственности, особенно учитывая сложность доказывания критерия достоверной известности сведений о подготавливаемом преступлении.

Таким образом, современная российская правовая модель информирования представляет собой сложный гибрид: она включает добровольное и строго регламентированное содействие в оперативно-розыскной деятельности, жесткий процессуальный фильтр для анонимных сообщений как повода к возбуждению дела и узкую секторальную криминализацию несообщения о террористических преступлениях. Такая конфигурация, с одной стороны, отражает попытку законодателя найти баланс между потребностями правоохраны и рисками, присущими институту информирования, а с другой — порождает ряд вопросов о системности и полноте регулирования, требующих дальнейшего научного осмысления.

III. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНФОРМИРОВАНИЯ О НАРУШЕНИЯХ ЗАКОНОВ

Проведенный выше анализ российской правовой модели информирования закономерно обуславливает необходимость рассмотрения зарубежного опыта в данной сфере. Обращение к иностранным правовым порядкам позволяет не только выявить альтернативные модели регули-

рования, но и оценить их эффективность с точки зрения баланса между публичными интересами предотвращения преступности и защитой прав граждан в решении реальных проблем теории и практики [6]. Компаративный анализ свидетельствует о существовании трех основных моделей вспомогательного информирования, которые различаются по степени императивности, сфере действия и механизмам обеспечения.

Первая модель может быть охарактеризована как установление общей обязанности сообщать о наиболее опасных преступлениях, когда лицо уже располагает соответствующей информацией. Классическим примером здесь выступает германское уголовное законодательство. Так, § 138 «Несообщение о запланированных преступных деяниях» Уголовного уложения ФРГ предусматривает ответственность за несообщение компетентным органам о планируемых или уже начавшихся тяжких преступлениях, исчерпывающий перечень которых установлен законом⁴. Аналогичный подход демонстрирует французский правовой порядок. Например, ст. 434-1 Уголовного кодекса Французской Республики формулирует состав преступления, связанного с недонесением, при этом законодатель предусматривает важные исключения, в частности, освобождая от ответственности лиц, связанных с преступником родственными узами, а также лиц, связанных профессиональной тайной [7, с. 206–207].

Смысловая нагрузка данной модели принципиально отлична от потенциально опасного понуждения к сбору информации. В данном случае государство не требует от граждан осуществления самостоятельной поисковой активности, но вводит обязанность сообщить, когда лицо уже объективно располагает сведениями о готовящемся или совершаемом преступлении, которое еще можно

⁴ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_138.html (дата обращения: 19.02.2026).

предотвратить или последствия которого можно ограничить.

Вторая модель, получившая наиболее широкое распространение в современных правовых порядках, носит профессионально-секторный характер и локализована в сферах повышенных криминальных рисков – прежде всего, в противодействии терроризму и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Британское законодательство в этой части представляет собой развитую систему. К примеру, ст. 19 Закона о терроризме 2000 г.⁵ устанавливает обязанность раскрытия информации полиции, если лицу в ходе его работы или занятий стали известны обстоятельства, вызывающие подозрение в совершении определенных террористических преступлений. Добровольность же сотрудничества с полицией весьма условна. Так, начальник полиции одного из участков заявил, что граждане, отказывающиеся сотрудничать с представителями полиции, могут привлечь внимание отдела по борьбе с терроризмом: «Не хотите сотрудничать – не надо... Но если отказываетесь от сотрудничества, то мы можем задуматься, почему вы так сделали, и вы можете стать объектом расследования» [8, с. 9].

В сфере противодействия отмыванию доходов ключевым инструментом выступают отчеты о подозрительных операциях, подаваемые финансовыми организациями и рядом профессиональных групп. Согласно данным британского Национального агентства по борьбе с преступностью, эти отчеты являются важнейшим источником оперативной информации о преступной деятельности. Аналогичный подход реализован в США. В частности, норма § 1020.320 Раздела 31 Свода феде-

ральных правил США возлагает на банки обязанность подавать отчеты о подозрительных транзакциях, при этом предусматривая «безопасную гавань» – ограничение гражданской ответственности за добросовестные сообщения, поданные в соответствии с требованиями законодательства о противодействии отмыванию доходов⁶. Данная модель демонстрирует ключевой принцип: обязанность сообщения оправдана там, где профессия или социальная роль лица системно открывает ему доступ к информации о рисках. В обмен на выполнение этой обязанности государство предоставляет четкие и понятные критерии подозрительности, защищенные каналы передачи информации, иммунитет от ответственности при добросовестном исполнении, а также осуществляет контроль за практикой подачи избыточных отчетов, которая способна парализовать работу правоохранительной системы.

Третья модель принципиально отличается от двух предыдущих тем, что основывается не на принуждении, а на создании добровольных, защищенных и процедурно оформленных каналов коммуникации. В США она реализуется, в частности, в рамках общественной кампании, инициированной Министерством внутренней безопасности и ориентированной на обучение населения распознаванию признаков подозрительной активности и способам сообщения информации в правоохранительные органы. Институционализированным форматом выступает международная программа *Crime Stoppers*, действующая с 1976 г. и воспроизведенная во множестве юрисдикций⁷. Данная программа предлагает анонимные каналы передачи информации с возможностью получения вознаграждения [9]. В европейском

⁵ См.: *Terrorism Act 2000* // Legislation.gov.uk. 2026. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/contents#top> (дата обращения: 19.02.2026).

⁶ URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/31/1020.320> (дата обращения: 20.02.2026).

⁷ Например, благотворительная организация *Crimestoppers Trust* зарегистрирована в Англии, Уэльсе, Шотландии (URL: <https://crimestoppers-uk.org/> (дата обращения: 20.02.2026)).

правовом пространстве ключевое значение приобретает регулирование института защищенного информирования. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937 устанавливает минимальные стандарты создания каналов сообщений о нарушениях права Союза и процедур их обработки, а также гарантии защиты лиц, сообщающих о нарушениях, от преследования и реталиации. Рекомендация Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2014)7 формулирует базовые принципы защиты лиц, осуществляющих публичные разоблачения⁸. В США Комиссия по ценным бумагам и биржам реализует развернутую систему мер защиты информаторов от преследования и реталиации, созданную в рамках реформы, которая была связана с принятием Закона Додда–Франка. Суть данной модели может быть определена следующим образом: государство не принуждает к сообщению, но делает его безопасным, юридически признанным и процедурно результативным, создавая тем самым устойчивые стимулы для добросовестного информирования и минимизируя риски, исторически присущие институту доносительства⁹.

Таким образом, рассмотренные зарубежные модели при всех их различиях объединяет стремление законодателей к четкой регламентации оснований, процедур и последствий информирования, а также к созданию механизмов, предотвращающих злоупотребления и защищающих добросовестных участников. Этот опыт представляет существенный интерес для осмысления возможных направлений совершенствования российского правового регулирования в данной сфере, которое, как было показано выше, содержит лишь

отдельные элементы рассмотренных моделей и нуждается в более системной проработке.

IV. КОНСТРУКЦИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВА

Проведенный анализ позволяет перейти от критической оценки существующих подходов и компаративного обзора зарубежных моделей к формулированию нормативной конструкции, которая могла бы лечь в основу совершенствования отечественного правового регулирования. Ниже предлагается концепция, которая, сохраняя вспомогательный характер института информирования по отношению к профессиональной оперативно-розыскной деятельности, одновременно минимизирует исторически присущие данному институту риски злоупотреблений, произвольного вторжения в частную жизнь и подмены функций правоохранительных органов волонтерскими практиками. Предлагаемая модель строится на разграничении двух принципиально различных контуров, один из которых реализует узкую и четко очерченную обязанность сообщения для определенных категорий лиц, а другой – гарантированное право на конфиденциальное информирование для всех граждан.

Первый контур (условно обозначим его как контур «А») предполагает установление профессиональной обязанности сообщать о правонарушениях, носящей строго ограниченный, типизированный характер. Круг субъектов, на которых может быть возложена такая обязанность, должен определяться не произвольно, а исходя из объективных критериев – прежде всего, из характера их профессиональной деятельности и той степени

⁸ См.: *О защите информаторов, сообщающих о противозаконной деятельности*» (Вместе с «Принципами») : рекомендация № CM/Rec(2014)7 Комитета министров Совета Европы : принята 30 апр. 2014 г. на 1198-ом заседании заместителей министров. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Dodd–Frank Act Becomes Law* // The Harvard Law School Forum on Corporate Governance. 2010. URL: <http://blogs.law.harvard.edu/corpgov/2010/07/21/dodd-frank-act-becomes-law/> (дата обращения: 20.02.2026).

доступа к информации о криминальных рисках, которую эта деятельность предоставляет. К числу таких субъектов могут быть отнесены отдельные должностные лица (например, органов муниципального управления, контрольно-надзорной деятельности, объектов критической инфраструктуры), а также работники «первой линии», непосредственно контактирующие с населением в тех областях, где системно возникают криминальные риски (в сфере жилищно-коммунального хозяйства, включая управляющие организации, при охране объектов, на транспорте, в финансовых организациях и социальных учреждениях). Принципиальное значение имеет содержательное наполнение самой обязанности. Для работников массовых профессий (например, дворников, технического персонала) приемлем исключительно вариант «сообщать о наблюдаемых фактах», но ни в коем случае не «собирать сведения о лицах». Возложение на такие категории работников разведывательно-поисковых функций по сбору информации неизбежно провоцирует произвольное вторжение в частную жизнь и воспроизводит практики, дискредитировавшие себя в исторической ретроспективе.

Содержание обязанности в рамках данного контура должно быть сформулировано максимально конкретно. Речь идет об обязанности сообщать о конкретных фактах и признаках совершенных или подготавливаемых преступлений (возможно, что перечень составов, сообщение о которых вменяется в обязанность, должен быть закрытым и исчерпывающим) либо о событиях, явно создающих угрозу жизни или безопасности граждан. Сообщение должно направляться в разумный срок и через защищенный канал связи, гарантирующий конфиденциальность. Важнейшим требованием выступает добросовестность действий сообщаемого лица, которая предполагает, что оно не выходит за пределы своей профессиональной

функции и не осуществляет самостоятельных оперативно-розыскных мероприятий.

Механизм ответственности за неисполнение данной обязанности требует особой осторожности в конструировании. Ответственность должна наступать не за ошибку или неподтверждение информации (что неизбежно порождало бы практику «перестраховочных» сообщений), а исключительно за умышленное сокрытие или грубое уклонение от сообщения при наличии ясных и очевидных оснований полагать, что преступление готовится или совершается. Такая логика сближает предлагаемую конструкцию с рассмотренной выше германской моделью ответственности за несообщение о планируемых тяжких преступлениях. Наконец, необходимым элементом контура «А» выступают законодательно закрепленные исключения, связанные с институтами профессиональной тайны (адвокатской, врачебной, нотариальной тайны, тайны исповеди) и привилегированных коммуникаций. Эти ограничения, аналогичные предусмотренным во французском праве и частично отраженные в российском Законе об ОРД в отношении отдельных категорий лиц, служат важнейшим гарантом сохранения доверительного характера некоторых профессиональных отношений.

Второй контур (условно – контур «Б») является принципиально иным по своей природе: он закрепляет не обязанность, а право каждого гражданина на конфиденциальное информирование. В отличие от узконаправленного и императивного контура «А», данный контур носит универсальный и диспозитивный характер. Содержание этого права включает возможность подать сообщение о правонарушении или угрозе правопорядку конфиденциально, то есть с сокрытием личности от третьих лиц, либо, по выбору заявителя, анонимно. Применительно к анонимным сообщениям необходимо учитывать процессуальные ограничения,

проанализированные выше: такое сообщение не влечет возбуждения уголовного преследования, но одновременно анонимность не может служить основанием для полного игнорирования информации, которая может быть использована в ориентирующих, аналитических или профилактических целях.

Ключевое значение в рамках контура «Б» приобретают гарантии, которые государство обязано предоставить лицу, реализующему свое право на информирование. В первую очередь это защита от реталиации – любых форм преследования, дискриминации или иного неблагоприятного воздействия на информатора в трудовой, административной или иной сфере. Далее это гарантии защиты персональных данных и ограничение доступа к сведениям о личности информатора для лиц, не участвующих в проверке сообщения. Важнейшим процедурным элементом выступает обязанность уполномоченного органа зарегистрировать поступившее сообщение, провести его оценку и в допустимых пределах проинформировать заявителя о результатах рассмотрения. Такой подход в полной мере соответствует стандартам, закрепленным в Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937, и создает условия для формирования института защищенного информирования, доказавшего свою эффективность в зарубежных правовых порядках.

Таким образом, предлагаемая двухконтурная модель позволяет разрешить противоречие, традиционно присущее институту информирования: с одной стороны, публичная власть заинтересована в получении информации о правонарушениях, особенно о тяжких и готовящихся; с другой стороны, исторический опыт свидетельствует о высоких рисках злоупотреблений при неограниченном поощрении доноительства. Дифференциация узкой профессиональной обязанности,

ограниченной четкими условиями и исключениями, и широкого права на защищенное информирование, обеспеченного процессуальными гарантиями, позволяет минимизировать эти риски, сохраняя при этом вспомогательный по отношению к профессиональной правоохранительной деятельности характер института.

V. Риски

МАССОВОГО ДОНОСИТЕЛЬСТВА

Предложенная выше двухконтурная модель нормативного регулирования, разграничивающая узкую профессиональную обязанность и широкое право на защищенное информирование, была бы неполной без системного анализа рисков, которые внутренне присущи институту информирования, и юридических предохранителей, способных эти риски минимизировать. Обращение к историческому опыту, равно как и к современной правоприменительной практике, позволяет выявить несколько устойчивых групп рисков, каждая из которых требует специфических нормативных решений.

Первый и, пожалуй, наиболее социально значимый риск связан с потенциальной деградацией института доверия в локальных сообществах в случае конструирования модели информирования по типу массового доноительства. Если институт строится вокруг расплывчатой обязанности собирать сведения о криминально-активных лицах, он неизбежно демонстрирует склонность к опасной эволюции. Отсутствие четких критериев порождает расширительное толкование, при котором категория «криминально-активный» легко подменяется категорией «неудобный», а в крайнем варианте – категорией «другой». Как следствие, возникает стигматизация целых социальных групп по признакам бедности, миграционного статуса, принадлежности к молодежным субкультурам или иным немаркированным критериям. Сообщества

вместо связей солидарности начинают строиться на практиках взаимного наблюдения, что ведет к эрозии базового доверия. Юридическим предохранителем здесь выступает принципиальная замена неопределенной обязанности «сбор сведений о лицах» на четко очерченную обязанность сообщения о конкретных фактах. Предмет сообщения должен быть ограничен закрытым перечнем ситуаций, имеющих признаки объективно выраженного противоправного деяния. Дополнительным барьером служит законодательное закрепление запрета на использование дискриминационных критериев при оценке информации и проведении проверочных мероприятий.

Второй комплекс рисков связан с ложными сообщениями, злоупотреблением правом и прямой фабрикацией сведений. Основным признаком ложной информации выступает ее несоответствие фактическому положению дел, что сближает ее с феноменом дезинформации [10, с. 154]. Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит важный превентивный механизм – предупреждение заявителя об ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, а также рассмотренное выше правило о недопустимости использования анонимного заявления в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Однако этих мер недостаточно для полноценной защиты от злоупотреблений. Система предохранителей должна включать, во-первых, не просто формальную ответственность за заведомо ложное сообщение, но эффективный механизм ее реализации при идентифицируемом заявителе, во-вторых, специальные санкции за систематические злоупотребления каналами информирования, когда одно и то же лицо на постоянной основе направляет заведомо недостоверные сообщения, в-третьих – и это самое важное – обязательную процедуру верификации

информации перед применением любых ограничительных мер к лицам, в отношении которых поступило сообщение. Только сочетание перечисленных элементов способно предотвратить использование института информирования как инструмента сведения личных счетов или дестабилизации деятельности добросовестных лиц и организаций.

Третий риск носит инструментальный характер и выражается в дилемме между конфиденциальностью источника информации и возможностью ее процессуальной проверки. Анонимность, как было показано выше, выступает важнейшим фактором безопасности информатора, особенно в случаях, когда сообщаемые сведения касаются организованной преступности или коррупционных практик. Однако та же анонимность существенно снижает возможности верификации достоверности сообщения и порождает информационный шум – поток непроверяемых, а часто и заведомо ложных сведений. Компромиссная модель строится на разграничении режимов использования информации. Анонимные сообщения могут и должны приниматься и обрабатываться как ориентирующая информация – для аналитической работы, планирования профилактических мероприятий, проведения оперативно-розыскных проверочных действий. Вместе с тем процедурный барьер для официальных действий на основании одного лишь анонимного сигнала должен сохраняться обязательно, а для запуска уголовного или административного преследования необходима либо проверка, подтвердившая наличие признаков правонарушения, либо заявление идентифицируемого лица, предупрежденного об ответственности за ложный донос.

Четвертый риск, хорошо известный по практике применения законодательства о противодействии отмыванию доходов, заключается в феномене чрезмерной отчетности – массового потока формальных,

часто не имеющих значимости уведомлений, который приводит к перегрузке правоохранительных органов и параличу аналитических подразделений. Как свидетельствует мировой опыт, отчеты о подозрительной активности являются важнейшим источником разведывательной информации, но только при условии их качественного содержания [11]. Если обязанность сообщения не сопровождается конкретизацией критериев, механизмами обратной связи и обучения обязанных субъектов, то она неизбежно порождает лавину формальных отписок, в которой тонут действительно значимые сигналы.

Таким образом, предложенная выше двухконтурная модель информирования обретает необходимую устойчивость лишь в сочетании с системой продуманных юридических предохранителей, адресованных каждому из выявленных рисков. Такое комплексное регулирование способно обеспечить реализацию позитивного потенциала института информирования – получения правоохранительными органами значимой информации о правонарушениях – при одновременной нейтрализации исторически присущих этому институту угроз социальной деградации, злоупотреблений и перегрузки правоприменительной системы.

VI. РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проведенные в статье анализ понятийных рамок информирования и исторической эволюции соответствующих практик, сравнительно-правовое исследование зарубежных моделей, а также оценка рисков, присущих институционализации осведомительства, позволяют сформулировать целостную концепцию нормативного дизайна исследуемого института. Представленные предложения образуют взаимосвязанную систему мер, направленных на создание сбалансированного правового механизма, сохраняющего вспомогательный характер информирова-

ния по отношению к профессиональной оперативно-розыскной деятельности и одновременно минимизирующего исторически выявленные риски злоупотреблений, социальной деградации доверия и подмены институтов.

Первое и основополагающее предложение заключается в необходимости законодательного закрепления института вспомогательного информирования как самостоятельного правового феномена, отличного как от института содействия оперативно-розыскной деятельности, так и от уголовно-процессуального института заявления о преступлении. Для этого требуется введение в отраслевое законодательство (прежде всего, в Закон об ОРД и УПК РФ) легальных определений следующих ключевых понятий: 1) «конфиденциальное информирование», понимаемое как добровольная передача сведений о правонарушении с гарантиями неразглашения личности источника; 2) «профессиональное сообщение о криминально значимых фактах», представляющее собой исполнение специальной обязанности, возложенной на отдельные категории лиц в силу их профессионального статуса; 3) «анонимное сообщение (ориентирующая информация)», определяющее особый правовой режим использования сведений, поступивших от неустановленного лица. Принципиальное значение имеет законодательная фиксация вспомогательного характера института: любое сообщение, независимо от источника и формы, не подменяет собой оперативно-розыскную деятельность, а служит лишь источником ориентирующей информации и возможным поводом для проведения проверочных мероприятий в установленном законом порядке.

Второе предложение касается конструирования механизма профессиональной обязанности сообщения, которая должна носить строго ограниченный, закрытый характер. В основе данного

механизма лежит принципиальная замена неопределенной и социально опасной обязанности «собирать сведения о лицах» на четко очерченную обязанность сообщения о конкретных фактах, ставших известными лицу в силу его профессиональной деятельности. Перечень оснований для такой обязанности должен быть исчерпывающим и включать: 1) ситуации, создающие непосредственную угрозу жизни или здоровью граждан; 2) сведения о подготовке или совершении ограниченного перечня тяжких и особо тяжких преступлений; 3) отдельные секторальные обязанности раскрытия информации в сферах противодействия терроризму и легализации преступных доходов. Неотъемлемым элементом данного механизма выступают законодательно закрепленные исключения, связанные с институтами профессиональной тайны (адвокатской, нотариальной, врачебной, банковской тайны, тайны исповеди), а также иных привилегированных коммуникаций. Данные исключения должны учитывать уже существующие в российском законодательстве об оперативно-розыскной деятельности запреты на конфиденциальное содействие по контракту для отдельных категорий лиц (судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и др.).

Третье предложение посвящено созданию полноценного правового механизма реализации права на конфиденциальное информирование. В отличие от узкой и императивной профессиональной обязанности данный механизм носит универсальный и диспозитивный характер и должен включать несколько ключевых элементов. Во-первых, необходимо создание единых, доступных и защищенных внешних каналов приема информации, например, круглосуточной телефонной линии, специализированной онлайн-платформы, системы личного приема с гарантиями конфиденциальности. Важнейшим требованием выступает обеспечение воз-

можности анонимного сообщения, а также создание способов общения без раскрытия личности заявителя. Во-вторых, требуется законодательное закрепление развернутых гарантий защиты информатора, включая запрет любых форм реталиации (преследования, дискриминации, увольнения) в связи с добросовестным сообщением, а также строгие правила обеспечения конфиденциальности, ограничивающие доступ к данным о личности заявителя. В-третьих, представляется оправданным встраивание в предлагаемую модель социально-практических механизмов с возможностью получения вознаграждения за информацию, приведшую к раскрытию тяжкого преступления, а также публичных образовательных кампаний, направленных на обучение граждан распознаванию признаков подготавливаемых правонарушений и способам безопасной передачи информации.

Четвертое предложение касается процессуальных фильтров, контрольных механизмов и ответственности собственно правоохранительных органов за обработку поступающих сообщений. В этой части необходимо, во-первых, законодательно закрепить, что анонимное сообщение может и должно выступать законным основанием для проведения аналитической работы и оперативно-розыскных проверочных мероприятий при неукоснительном соблюдении требований законности. Во-вторых, требуется введение системы внутреннего и внешнего аудита обработки сообщений, включающей обязательный учет всех действий с информацией о личности заявителя, соблюдение жестких сроков первичной оценки поступившего сообщения, а также императивный запрет на применение любых карательных мер без предварительной верификации информации. В-третьих, необходимо установление четкой юридической ответственности должностных лиц за разглашение личности информатора, использование каналов

информирования для оказания давления или шантажа, а также за фальсификацию результатов проверки сообщений. Только наличие эффективных санкций за подобные нарушения способно обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав лиц, добросовестно реализующих свое право на информирование.

Предлагаемый комплекс мер, будучи реализованным в законодательстве и правоприменительной практике, позволит сформировать институт вспомогательного информирования, отвечающий современным правовым стандартам и учитывающий как потребности правоохранительной системы в получении значимой информации о правонарушениях, так и императивы защиты прав граждан, сохранения социального доверия и предотвращения исторически присущих институту осведомительства злоупотреблений. Тем самым будет создана нормативная конструкция, в равной мере удаленная как от архаичных практик массового доноительства, так и от правового нигилизма, игнорирующего потенциал гражданского участия в противодействии преступности.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование феномена осведомительства в контексте его понятийных рамок, сравнительно-правового анализа и рисков институционализации позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Ключевым выводом выступает положение о том, что развитие институтов информирования за пределами собственно оперативно-розыскной сферы является не только возможным, но и потенциально полезным для системы противодействия преступности направлением правовой политики. Однако реализация этого потенциала напрямую обусловлена корректной юридической настройкой соответствующих механизмов, учитывающей как по-

требности правоохранительной системы в получении оперативно значимой информации, так и исторически выявленные риски деградации института до практик массового доноительства, подмены функций профессиональных субъектов и эрозии социального доверия.

Обращение к зарубежному опыту демонстрирует, что наиболее устойчивыми и эффективными оказываются те модели, в которых государство придерживается сбалансированного подхода, основанного на трех ключевых элементах.

Во-первых, это точечное введение обязанности сообщения, ограниченное строго определенными секторами профессиональной деятельности и закрытым перечнем категорий угроз (прежде всего, террористической направленности, легализации преступных доходов, подготовки тяжких преступлений против жизни и общественной безопасности). Такая обязанность оправдана лишь там, где профессиональная среда объективно обладает уникальным доступом к информации о рисках, и не должна подменяться неопределенной обязанностью по сбору сведений о лицах.

Во-вторых, это создание безопасных, доступных и процедурно результативных каналов добровольного сообщения, подкрепленных надежными гарантиями защиты информатора от преследования и реталиации, а также строгим режимом конфиденциальности. Как свидетельствует практика, именно безопасность и предсказуемость последствий выступают ключевыми факторами, побуждающими граждан к добросовестному информированию при одновременном отсечении заведомо ложных и клеветнических сообщений.

В-третьих, это наличие процедурных фильтров и контрольных механизмов, предотвращающих как использование института информирования для необоснованного уголовного преследования,

так и перегрузку правоохранительной системы массой формальных уведомлений, не прошедших проверку. Российское законодательство, устанавливающее, что анонимное заявление не может служить поводом к возбуждению уголовного дела, содержит важный предохранитель, однако нуждается в дополнении механизмами, которые позволили бы использовать анонимную информацию в ориентирующих, аналитических и оперативно-проверочных целях при сохранении процессуального барьера для начала уголовного преследования.

Таким образом, предлагаемая и обоснованная в настоящем исследовании модель вспомогательного информирования принципиально отличается как от архаичных практик массового доносительства, дискредитировавших себя в исторической ретроспективе, так и от правового нигилизма, игнорирующего потенциал гражданского участия в охране правопорядка. В предлагаемой конструкции ин-

формирование перестает быть механизмом тотального социального контроля и превращается в инструмент раннего обнаружения криминальных рисков, органично встроенный в правовую систему гарантий прав личности. Именно такая модель, сочетающая узкую профессиональную обязанность, широкое право на защищенное сообщение и надежные процессуальные фильтры, представляет собой оптимальный баланс между целями охраны правопорядка и императивами защиты прав человека, между потребностью правоохранительной системы в информации и необходимостью сохранения базового уровня социального доверия. Дальнейшая разработка данной модели, включая конкретизацию перечней составов преступлений, подлежащих обязательному сообщению, и создание организационно-правовых механизмов функционирования защищенных каналов, составляет перспективную задачу как для законодателя, так и для правовой науки.

Список литературы

1. Иванов А. А., Манян Н. М. Историография тайной полиции Российской империи конца XIX – начала XX века // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 4 (49). С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-137-145>
2. Кикоть-Глухodedова Т. В. Конституционно-правовые основы деятельности государственных органов в системе обеспечения национальной безопасности Великобритании // Мониторинг правоприменения. 2016. № 2 (19). С. 27–34.
3. Галахов С. С. Использование религиозных воззрений в профилактике рецидива преступлений и противодействии экстремизму и терроризму // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9 (209). С. 166–177. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.9.20>
4. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как правовой институт: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 166–175. DOI: <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A033>
5. Аснис А. Я., Хазиев Ш. Н. Анонимность в праве, криминалистике и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-16-27>
6. Тарасов А. А. Уголовно-процессуальная компаративистика – территория открытий и заблуждений // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 133–141. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.17>
7. Крылова Н. Е., Харламов Д. Д. Преступные деяния против правосудия по уголовному праву Франции и Германии // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 6. С. 202–228. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-6-13>
8. Воронина Н. А. Британский подход к проблеме дерадикализации исламистов: успех или провал? // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 2 (56). С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-2-5-18>
9. Поликарпова Е. В. Зарубежный опыт работы по взаимодействию с гражданами в сфере профилактики правонарушений // Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции на современном этапе : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф., 22 нояб. 2022 г. / [сост. И. В. Потапенкова]. М. : Москов. ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 95–97.

10. Булавина Е. В. Теоретическая модель информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции // Психология и Психотехника. 2025. № 4. С. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2025.4.77509>

11. Сергунина В. В. Механизм учета и анализа информации о рисках, содержащейся в сообщениях о подозрительных операциях: зарубежный опыт // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18, № 1. С. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-1-32-39>

References

1. Ivanov A. A., Manian N. M. Historiography of the Secret Police in Russian Empire in the Late XIX-th and Early XX-th Centuries. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023;19(4):137-145. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-137-145> (In Russ.)

2. Kikot'-Glukhodedova T. V. Constitutional Law Foundations for the Operation of Government Agencies in the System Ensuring the National Security of the United Kingdom. *Monitoring of Law Enforcement*. 2016;2:27-34. (In Russ.)

3. Galakhov S. S. The Use of Religious Beliefs in the Prevention of Recidivism and Countering Extremism and Terrorism. *Theory and Practice of Social Development*. 2025;9:166-177. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.9.20> (In Russ.)

4. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Citizens' Assistance to Law Enforcement Agencies as a Legal Institution: Statement of the Problem. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2022;3:166-175. DOI: <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A033> (In Russ.)

5. Asnis A. Ya., Khaziev Sh. N. Anonymity in Law, Criminalistics and Forensic Examination. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2023;18(3):16-27. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-16-27> (In Russ.)

6. Tarasov A. A. Criminal Procedure Comparativistics – A Territory of Discoveries and Misconceptions. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2024;1:133-141. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.17> (In Russ.)

7. Krylova N. E., Kharlamov D. D. Criminal Acts Against Justice Under the Criminal Law of France and Germany. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2024;6:202-228. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-6-13> (In Russ.)

8. Voronina N. A. The British Approach to Islamists Deradicalisation: Success or Failure? *Islamic Studies*. 2023;14(2):5-18. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-2-5-18> (In Russ.)

9. Polikarpova E. V. Foreign Experience in Cooperation with Citizens in the Prevention of Offences. In: Potapenkova I. V. (Comp.). *Current Issues in the Work of District Police Officers at the Present Stage*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2022. P. 95–97. (In Russ.)

10. Bulavina E. V. A Theoretical Model of Information and Psychological Stability of Police Officers. *Psychology and Psychotechnics*. 2025;4:152-168. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2025.4.77509> (In Russ.)

11. Sergunina V. V. The Mechanism for Recording and Analyzing Information About the Risks Contained in the Reports of Suspicious Transactions: Foreign Experience. *Issues of Risk Analysis*. 2021;18(1):32-39. DOI: <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-1-32-39> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Федорович Луговик, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России (пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9106-3506>; e-mail: vlug@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktor F. Lugovik, Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova ave., Omsk, 644092, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9106-3506>; e-mail: vlug@yandex.ru

Поступила | Received
25.02.2026

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
06.04.2026

Принята к публикации | Accepted
10.04.2026